

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Пермский государственный университет

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И
ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Часть I

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Пермь 2000

ББК 67
Ю 701

Ю 701 Юридическая наука в современном мире: фундаментальные и прикладные проблемы: Сб. науч. тр. юрид. ф-та / Перм. ун-т. – Пермь, 2000. – Ч. I. – 271 с.

ISBN 5-7944-0186-9

Рассматриваются фундаментальные и прикладные проблемы широкого круга юридических наук. Обсуждаются вопросы теории и практики применения законодательства, формулируются предложения по его развитию.

Часть I включает статьи по теории и истории государства и права, гражданскому, семейному, трудовому праву, праву социального обеспечения.

Для научных и практических работников российской юстиции.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского университета

Рецензент: кафедра административного права и административной деятельности Пермского филиала Юридического института МВД РФ.

Редакционная коллегия

Г.Я.Борисевич, Л.В.Боровых, Л.Ю.Бугров, Н.И.Гонцов (отв. ред.), С.Г.Михайлов, А.В.Москалев, В.П.Реутов, С.И.Реутов, Л.В.Щенникова

ISBN 5-7944-0186-9

© Пермский государственный университет, 2000

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В сборнике представлены работы сотрудников юридического факультета Пермского государственного университета по фундаментальным и прикладным проблемам юридической науки. Настоящее издание продолжает академическую традицию периодической публикации научных трудов по широкому спектру правовых наук – теории государства и права, конституционному, гражданскому, трудовому, уголовному праву и др.

Важной особенностью данного издания является то, что значительное место в нем занимают статьи молодых преподавателей и аспирантов. Это свидетельствует о повышении интереса молодежи к научным исследованиям и внушает оптимизм по поводу перспектив развития юриспруденции.

По мнению редакционной коллегии, представленные вниманию читателей исследования послужат развитию юридической науки и будут полезны как научным работникам, так и практикам российской юстиции.

Дореволюционная цивилистика о праве публичном и частном

В последнее время значительно повысился практический и научный интерес к проблемам, связанным с существованием и разграничением публичного и частного права. В то же время российские учебники гражданского права последних лет, всесторонне освещающие важнейшие теоретические вопросы, в большинстве своем незаслуженно обходят вниманием вопрос о разграничении и соотношении публичного и частного права [2; 3; 5; 6]. При освещении вопроса о понятии гражданского права авторы учебников ограничиваются указанием на то, что правовая система каждого развитого государства должна учитывать деление права на публичное и частное, а, формулируя определение гражданского права, используют традиционный в последнее время подход: определяют гражданское право через понятие предмета и метода, не углубляясь в теорию вопроса. Такое положение дел недопустимо, особенно в настоящее время, когда в Российской Федерации происходит становление системы права, основной особенностью которой является как раз формирование частного права и его размежевание с публичным. Достаточно вспомнить, что в дореволюционный период, когда идеи частного права имели сильное влияние, ни один академический учебник гражданского права не обходился без детального рассмотрения указанного вопроса.

Между тем продолжающееся на практике размежевание права в Российской Федерации на публичное и частное требует соответствующей теоретической базы и разработок в этом направлении. Сугубо утилитарное отношение к решению вопроса о разграничении права на частное и публичное уже сегодня приводит к сугубо формальному подходу и высказываниям следующего характера: «Граница между публичным и частным правом определяется волей государства, избирающего для регулирования отношений один из двух известных методов...» [10, с. 8]. При этом ни слова не говорится о критерии, в соответствии с которым государство может и должно выбирать тот или иной метод для регулирования тех или иных отношений, что весьма опасно для целостности, да и самого существования частного права в России, где известно стремление государства к установлению авторитарных публично-правовых воззрений во всех сферах жизни. Между

го права и ценна для них за счет способности удовлетворять потребности людей благодаря своей материальной (физической) форме.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху. Екатеринбург, 1999.
2. Аэрофлот (журнал). 2000. №2.
3. Вагацума С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии. М., 1983. Кн. 1.
4. Василев Л. Гражданское право Республики Болгарии. М., 1998.
5. Гражданское право / Под ред. А.П.Калпина, А.И.Масляева. М., 1997. Ч. 1.
6. Гражданское право / Отв. ред. Е.А.Суханов. М.: Бек, 1998.
7. Гражданское право России / Под. ред. З.И.Цыбуленко. М.: Юрист, 1998. Ч. 1.
8. Гражданская практика кассационного Сената за 1885-1892 гг. СПб., 1892. Ст. 534-540.
9. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. 14.
10. Морандьер Ж. Гражданское право Франции. М., 1958.
11. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Сер. «Классика российской цивилистики».
12. Советское трудовое право. М., 1982.
13. Трубецкой В.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
14. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.
16. Smith R. Property law. L.; NY, 1993.
17. Websler's Third New Dictionary and Seven Language Dictionary (vo 1.3. Z) USA, 1993.

тем еще дореволюционные цивилисты отмечали, что «...там, где процесс исторический, а не вдруг возникшие политические цели лежат в основе понимания права, там право частное не будет иметь характер средства для посторонней цели. Существо его институтов, построение их удержит на себе некоторые особенности от *jus publicum*, самобытности, связанной, правда, с успехами правосознания в народе...», но не случайно изменчивых политических комбинаций» [8, с. 33]. Для того чтобы обеспечить именно такое развитие событий, безусловно, необходима серьезнейшая теоретическая разработка этого вопроса. Существовавшие и развиваемые ранее теории, касающиеся этой проблемы, несомненно, требуют актуализации применительно к условиям сегодняшней правовой системы России.

Кроме того, в последнее время значительно повысился практический интерес к указанным проблемам в связи с рядом громких принципиальных юридических споров, которые возникают на практике и упираются именно в разрешение указанного сугубо, казалось бы, теоретического вопроса. Достаточно вспомнить историю с очередностью списания денежных средств с расчетного счета и возникшей коллизией между ст. 885 ГК и ст. 15 Закона РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [20], Указ Президента РФ №1212 [21] и ряд других споров. Данный вопрос поднимается сегодня и в иных ракурсах. Одна из тем, о важности которой заявлено, но серьезно, фундаментальных исследований пока не предпринято, — это как раз вопрос о взаимодействии гражданского и частного права, о наличии публичных элементов в гражданском праве России. Особую актуальность приобретают также вопросы, связанные с государством как участником гражданских правоотношений, при разрешении которых традиционно в наибольшей степени переплетаются и сочетаются элементы публичного и частного права.

Все эти обстоятельства как теоретического, так и практического плана определяют необходимость возвращения к исследованию вопросов о разграничении публичного и частного права.

Споры о существовании публичного и частного права, о целесообразности такого деления, а также о соотношении и взаимодействии этих частей права традиционно являются краеугольными в теории права.

«Распадение норм права на две группы, на право публичное и право гражданское, иначе частное, является ... характерным для современного юридического порядка» [29, с. 9]. «... это деление является прочным достоянием юридической мысли, составляя непрременный базис научной и практической классификации правовых явлений» [24,

с. 37], — так писали виднейшие дореволюционные цивилисты Г.Ф. Шершеневич и И.А.Покровский. Эта идея остается, несомненно, актуальной и для современного правового порядка России. «Нормальный порядок должен основываться на существовании и различии частного правового и публично-правового регулирования. ... Конечно, развитие человеческой цивилизации ... привело к неизмеримому усложнению социальных процессов, появлению принципиально новых общественных феноменов, вызванных к жизни последствиями технических и социальных, а затем научной и информационной революций. Все это видоизменило, но не отменило полностью основы правовой системы, покоящейся на различии гражданского (частного) и публичного права» [4, с. 2].

Споры цивилистов о необходимости и важности подобного деления права длились долгие годы. Разными, порой очень нетрадиционными, были точки зрения по этому вопросу. Еще больше копий было сломано в попытках выявить и уяснить критерий разграничения двух указанных частей права. «Однако, несмотря на повседневно указанного деления, — писал Г.Ф.Шершеневич, — с научной стороны до сих пор остается не вполне выясненным, где находится межвая черта между гражданским и публичным правом, каковы отличительные признаки той сферы права, которая носит название частного права и составляет предмет особой науки. Это различие, установившееся исторически и упорно поддерживаемое, скорее создается инстинктивно, чем основывается на точных признаках» [29, с. 9].

За многие годы оживленных споров по этому вопросу юридическая наука то находила, как казалось ученым, искомым истинный критерий разграничения и склонялась к одной из многочисленных точек зрения, то отвергала вроде бы устоявшиеся взгляды. В этих научных баталиях сформировались целые школы, каждая из которых отстаивала свои взгляды. Теории появлялись, умирали, вновь возникали, чуть видоизменившись, ученые на страницах юридических и публицистических изданий вновь и вновь вступали в оживленную полемику по этому вопросу, который часто относили к категории «вечных». «Современному исследователю этого вопроса может показаться, что чем далее, тем более этот вопрос запутывается и делается безнадежно неразрешимым», — так писал о попытках найти искомую демаркационную линию между публичным и частным правом И.А.Покровский [24, с. 37]. Таким образом, хотя на протяжении многих лет указанный вопрос был в центре внимания юриспруденции, нельзя сказать, что современная наука гражданского права отличается единством взглядов

на эту проблему. Вполне подходят к нашей сегодняшней ситуации слова, которые говорил в свое время Г.Ф. Шершеневич: «...нельзя сказать, чтобы был недостаток в попытках установить пограничную линию, но, к сожалению, попытки эти далеко не безуспешны» [29, с. 9].

Прежде чем перейти непосредственно к изложению и анализу наиболее интересных и значимых концепций по вопросу разграничения публичного и частного права, необходимо, на наш взгляд, сделать одну важную оговорку, касающуюся терминологии, а именно: употребление терминов «гражданское» и «частное» право.

Термин «гражданское», или «частное», право известен с давних времен. Уже древние юристы оперируют указанными терминами, расчленяя всю обширную область права на две большие сферы: права публичного (*jus publicum*) и права частного, или гражданского (*jus privatum* *jus civile*).

Термин «гражданское право» представляет собой перевод римского *jus civile*. Им обозначалось право, по которому жил каждый самостоятельный народ. Но еще дореволюционными юристами отмечалось, что соответствующие этим выражениям понятия не совпадают. Ю.С. Гамбаров так определял эти различия: «Современное гражданское право, при общности своего названия с римским *jus civile* отличается от последнего во-первых, тем, что выделяя из себя институты, регулирующие отношения государственной жизни, оно представляет собой не все право того или другого народа, а лишь известную часть этого права, и во-вторых, тем, что включая в себя рядом с правами граждан и права неграждан..., и рядом с национальным и интернациональное. Оно квалифицируется теперь не связанностью с правом гражданства и не принадлежностью к тому или другому народу, а иными признаками, которые могут быть взяты только из формы или содержания права» [1, с. 39].

Действительно, если немного углубиться в историю вопроса, то можно обнаружить следующее. *Jus civile* было правом, принадлежавшим гражданам древнего Рима, правом квинтов (*jus Quiritium*). «Этим термином (*jus civile*. — В.Г.) обозначалось, прежде всего, исконно национальное древнеримское право, распространяющее свое действие исключительно на римских граждан — квинтов» [19, с. 67]. Кроме неразрывной связи с правом гражданства *jus civile* характеризовалось тем, что включало в себя все государственные, общественные и частные отношения граждан древнего Рима. Цивильное право ограничивало свое действие территорией Рима, что делало его «национально-ограниченным», кроме того, оно отличалось «обременительным фор-

мализмом» и «строгим консерватизмом» [23, с. 4]. *Jus civile* не могло долго успешно удовлетворять потребности бурно развивающегося римского общества, потому как не смогло обеспечить четкого регулирования вновь возникающих имущественных отношений, а также не могло регулировать имущественные отношения между римскими гражданами и перебриннами. В период III—I вв. до н.э. Рим развернул кампанию завоевательных войн против соседних народов и стал претворяться в крупнейшую державу. Указанные действия привели к бурному развитию отношений между римлянами и представителями покоренных народов, что обусловило необходимость введения на определенном этапе новой должности перебринского претора. Разрешая споры между перебриннами и римскими гражданами, претор часто опирался на местное право — право покоренных народов, которое в некоторых случаях значительно превосходило римское *jus civile*. В результате деятельности претора возникла еще одна система римского гражданского права — *jus gentium* (право народов). «Оно выгодно отличалось от цивильного права: большей подвижностью, отсутствием формализма и национальной ограниченности» [там же, с. 5]. Названные системы развивались параллельно, взаимно проникали друг в друга и взаимообогащались, но постепенно стали безнадежно отставать от бурно развивающегося гражданского оборота. Указанный факт вызвал к жизни еще одну систему римского гражданского права: преторское право (*jus praetorium*). *Jus praetorium* регулировало имущественные отношения как между римскими гражданами, так и между перебриннами, однако применялось в случаях, когда нормы *jus civile* и *jus gentium* оказывались неспособными урегулировать новые отношения. Все три упомянутые системы и составляли в совокупности римское «гражданское право». Они продолжительное время сосуществовали рядом при приоритете *jus praetorium* как наиболее динамичного и яркого. В конце концов системы сблизились, утратив отличительные черты. На их основе было выработано единое понятие — *jus privatum* (частное право). Таким образом, необходимо признать, что современное гражданское право уже римского *jus civile*, в котором содержалось и публичное право; в то же время в *jus civile* не включался обширный частноправовой материал, который содержался в *jus gentium* и *jus praetorium* — праве, общем для римских граждан и иностранцев, т.е. в этой части современное гражданское право шире римского *jus civile*. Помимо сказанного следует отметить еще один совершенно справедливый факт, на который обращали внимание еще дореволюционные цивилисты, что со временем к традиционным институтам римского частного права при

Был целый ряд новых, неизвестных римскому частному праву: авторское право, патентное право, всецельные отношения, отношения по страхованию и целый ряд других [7, с. 81; 13, с. 172].

Что касается России, то в отечественной правовой системе частное право всегда было представлено гражданским правом. В советское время после отказа от деления права на публичное и частное из гражданского права в качестве самостоятельных правовых отраслей выделились семейное и трудовое право, а на «стыке» гражданского и административного права возникли земельное и природоресурсовое право. Возвращение в истории новейшей России к классическим основам правовой системы, базирующейся на принципиальном различии публичного и частного права, привело к некоторой переоценке природы таких «смежных» отраслей права. Таким образом, как отмечалось выше, основу частного права в современной российской правовой системе составляет право гражданское, кроме того, в отечественном праве порядке в общую систему частного права входят также семейное и международное частное право, традиционно признаваемые здесь, впрочем, самостоятельными по отношению к гражданскому праву правовыми отраслями. Это обстоятельство составляет специфику российской правовой системы, поскольку в континентальном европейском праве они рассматриваются обычно в качестве составных частей (подотраслей) гражданского права [4, с. 10].

Еще Г.Ф.Шершеневич в своих работах замечал, что термин «гражданское право» не отвечает требованиям строгой терминологии, а так как всякое право является гражданским, отсюда стремление заменить это выражение другим — «частное право». Однако в течение долгого употребления термин «гражданское право» успел приобрести то специфическое значение, которое больше соответствует его содержанию, чем слово-применению» [28, с. 51].

В силу того, что термин «гражданское право» использовался еще римскими юристами, в том числе как синоним «частного права», то в законодательстве и науке большинства стран, в том числе и России, приняты выражения «гражданское право», «гражданские законы», и в ряду с использованием термина «частное право». Такой же позиции будем придерживаться и мы, употребляя в данном исследовании термины «гражданское» и «частное» право как синонимы, имея в виду сделанные выше оговорки.

Необходимо отметить, что в дореволюционной России интерес к проблеме соотношения частного и публичного права появился лишь в XIX в. ввиду возрастающего внимания прогрессивной общественности

к идеям конституционного строя [24, с. 37]. До этого периода российская наука практически не занималась исследованиями указанного вопроса, так как в русском праве из-за его специфики, заметного удельного веса обычаев и общинного права деление на частное и публичное исторически не было выражено столь отчетливо, как в других государствах [11, с. 9–12, 32–71, 94–109].

Исторически первой сложилась точка зрения, согласно которой основным критерий разграничения публичного и частного права носит материальный характер, т.е. содержится в самой материи, в содержании регулируемых отношений или выводится из экономической природы отношений, регулируемых частным и публичным правом. Устанавливая пределы гражданского права с точки зрения материального момента, ученые-юристы брали за основу различные критерии. Останемся на наиболее ярких и интересных.

В течение долгого времени юриспруденция ограничивалась определением, данным еще римскими юристами: публичное право — это то, которое имеет в виду интересы государства как целого, а частное право — то, которое имеет в виду интересы индивида как такового (*“publicum jus est quoad statum rei humane spectat privatum quod ad singulorum utilitatem”* [26]), т.е. во главу угла ставилось различие охраняемых законом интересов. Этот критерий является наиболее старым и распространенным. В основе его лежит противоположение охраняемых законом частных и публичных интересов и основанное на этом различие норм, охраняющих отношения, содержание которых составляют эти интересы. Указанная точка зрения берет свое начало еще в трудах Ульпиана, Аристотеля. Аристотель, например, предлагал делить право на две группы, смотря по тому, кто терпит от его нарушения, целое или отдельный член целого [25]. Были сторонники этой «чисто классической» теории интереса и позднее, в числе таковых дореволюционные авторы называли Брунса, Нейнера, Лассона [13, с. 168; 28, с. 54].

Указанные воззрения имели многочисленных противников в лице достаточно известных цивилистов. Критиковали эту теорию в своих работах К.Д.Кавелин [12, с. 762–861], Н.М.Коркунов [13, с. 165–183] и многие другие. Возражения сводились главным образом к отрицанию самой возможности противопоставления общего блага и частного интереса. Вторым крупным возражением было то, что противоположение частного и общественного интереса не совпадает с установленным делением права, чему приводилась масса примеров.

Неудовлетворительность римской теории и классификации и, главным образом, ее неопределенность вызвали целый ряд попыток

исправить ее или дать более четкую формулировку путем уточнения понятия «интерес» либо указания в качестве истинного иного критерия. При этом все указанные взгляды сохраняли «материальное ядро», т.е. в качестве критерия разграничения выбиралось различие понятий частного и общественного интереса, но облекалось это в иную форму.

Так, сторонником материальной теории был Г.Ф.Шершеневич, который отстаивал разделение права на публичное и частное в зависимости от того, частный или публичный интерес защищает право. Но при этом особое внимание Г.Ф.Шершеневич уделял правильной постановке самого вопроса, а именно: настаивал на том, что различие между публичным и частным правом может быть построено с точки зрения материального момента только на различии отношений, но не норм, подчеркивая, что характер отношений определяет характер регулирующих норм. Всякую иную постановку вопроса ученый считал не состоятельной и бессмысленной. «Противоположение личности и общества, частной жизни и общественной деятельности, частных и общественных интересов, положения частного лица и представителя власти признается более или менее ясно всеми и каждым, — писал Г.Ф.Шершеневич, — ... с точки зрения целого государства, эти круги отношений, очерченные вокруг отдельных лиц и замкнутые для посторонних, не представляют общественного интереса, который возбуждается не тем, что происходит в каждом из этих кругов, а возможностью установления наилучших условий совместного их существования и деятельности. Противоположение общественного и частного лежит в основе всей современной экономической организации общества. ... Такое противоположение частного и общественного не могло быть игнорировано правом и потому этому чрезвычайно важному бытовому явлению соответствует основное разделение права на гражданское и публичное» [28, с. 63]. «Наука не должна пренебрегать этой житейской точкой зрения и не может предложить взамен более верного и точного взгляда...» [29, с. 9].

Еще один дореволюционный цивилист С.В.Пахман, считая, что различие между публичным и частным правом сводится главным образом к различию интересов, давал отличную от традиционной трактовку частного и публичного интереса. Он считал, что указанные различия нельзя относить к характеру права, юридической нормы. Различный интерес вытекает, считал С.В.Пахман, из характера юридических отношений или, точнее, институтов, к которым сводятся разнообразие правоотношения. Институты публичного права существуют для всех независимо от смены поколений, институты же гражданского

права — для каждого лица порознь, отсюда и объясняется различие сферы общего и частного интереса [22].

К сторонникам материальной теории традиционно относят и К.И.Малышева. Он различал гражданское и публичное право по содержанию регулируемых отношений, причем по содержанию, которое сложилось изначально, независимо от правового регулирования. «Гражданское право, — писал К.И.Малышев, — есть система положительных норм, определяющих частные права каждого лица в гражданском обществе. Оно отличается от системы публичного права, предметом которого служат государственное устройство и управление, отношения государственной власти к подданным и внешние отношения между государствами» [14, с. 1]. Особенностью теории К.И.Малышева было то, что он отрицал всякое искусственное, доктринально выработанное деление права, считая, что действующий закон закрепляет не что иное, как фактически сложившуюся систему отношений, различие между которыми коренится в их сущности. «Известный порядок или строй гражданского быта складывается сначала фактически, силами природы и деятельности людей и существует, прежде всего, как факт. ... они (бытовые отношения. — В.Г.) определяются не только системой права, но и законами физическими и нравственными, и имеют свою теорию, статистику и историю. ...юридический закон ... определяет их с двух сторон: как элементы общественного устройства и управления и как основания частных прав каждого лица. ... Как основания частных прав отдельного лица они сводятся к понятию об отдельных лицах, живущих друг против друга со своею частною, индивидуальную сферу гражданского свободы...» [там же, с. 3].

Обращает на себя внимание еще одна «материальная теория», выдвигнутая в свое время Ф.К.Савиньи. Ее также необходимо признать модификацией римской теории, но имеющей очень высокую степень самостоятельности по отношению к «базовой» материальной теории Ульпиана. Ф.К.Савиньи различал юридические отношения по их цели. «В публичном праве, — по мнению Ф.К.Савиньи, — целое является целью, а отдельный человек занимает второстепенное значение, напротив, в частном праве отдельный человек является целью, а целое (государство) средством, т.е. одни юридические отношения имеют своей целью, задачей удовлетворение потребностей отдельного человека, другие — соединение людей в одно высшее целое и регулирование их жизни в этом единстве» [цит. по: 13, с. 169]. Таким образом, необходимо признать, что теория Ф.К.Савиньи была попыткой соединить воедино классификацию по интересам, охрана которых есть цель права,

и по различию положения субъекта как самостоятельного индивида или как члена общественного организма. Теория Ф.К.Савиньи была впоследствии развита Иерингом в части учения о субъектах и Аренсом в части учения о цели, но и этим теориям не удалось сыскать всеобщего признания [там же, с. 171].

Несмотря на все попытки «уточнить» и модернизировать «теорию интересов», она, все равно подвергалась сильной критике в литературе по тем же основаниям, которые использовались против теории Ульпиана. Это обстоятельство побудило некоторых ученых на поиск в рамках «материальной теории» иных критериев для разграничения публичного и частного права.

В связи с этим нельзя не упомянуть имени Д.И.Мейера. Этот виднейший ученый своего времени усматривал искомый критерий в различии экономических, имущественных интересов и интересов, не имеющих экономического значения. Д.И. Мейер писал: «Права существуют для человека, и его природа лежит в основании прав. Природе человека присущи различные потребности и стремление к их удовлетворению. Существуют также вещи, способные удовлетворять потребностям человека. ...В обширном смысле вещь то же, что имущество.... Таким образом, содержание гражданского права составляют права, определяющие отношение лиц к имуществу. ... Справедливо, что в стремлении к удовлетворению духовных потребностей не останавливается на употреблении вещей, но, тем не менее, отношение человека к миру вещей именно таково, что он стремится употреблять вещи для удовлетворения своих потребностей. С этим-то стремлением и волей человека только и имеет дело гражданское право...» [15, с. 31-33]. Аналогичной точки зрения придерживался в своих работах Умов [13, с. 170].

Особый взгляд на этот вопрос имел К.Д.Кавелин. Он также видел в качестве критерия для разделения различие имущественных и неимущественных прав. «Рассмотрим внимательно права и юридические отношения, которые вошли в состав нового гражданского права. ... Оно состоит в следующем: все без изъятия права и юридические отношения, принадлежащие к этому новому составу, имеют предметом материальные, вещественные ценности, в каком бы то виде не было - в виде ли физических вещей, или в виде прав и услуг. ... Вещественная ценность служит самым верным, безошибочным и наглядным показателем гражданских прав и юридических отношений» [12, с. 75]. Особенностью теории К.Д.Кавелина было то, что он не просто выдвигал критерий имущественного характера права в качестве истинного для отнесения тех или иных прав к категории гражданских, а считал необ-

ходимым отказаться от существующего деления права на публичное и частное, отказаться от противопоставления публичного и частного. «Мы думаем и твердо уверены, что сопоставление и противопоставление публичного и частного, государственного и частного не может и не должно служить основанием для разграничения прав и юридических отношений публичных от гражданских. ... Таким образом, с мыслью, что в гражданском праве есть одни только частные права мы должны полностью расстаться» [там же, с. 847]. Взамен же он предлагал наполнить гражданское право совершенно новым содержанием. «Теперьшнее гражданское право с его непонятным названием, — писал К.Д.Кавелин, — есть ветхое здание, построенное из разностроеного материала, по ошибочному плану. Эту старую хранину следует разобрать сверху до низу, хорошенько перебрать материал, и воздвигнуть вновь на правильных теоретических основаниях. Коренная ее перестройка есть единственный способ освободить юридическую теорию и практику от бесчисленных путаниц...». В качестве параметра, критерия такой перестройки он и предлагал упомянутый признак материальности отношений. «Право или юридическое отношение принадлежит или не принадлежит к гражданскому праву в его новом виде, смотря по тому, имеет ли оно своим предметом физическую вещь, услугу, вообще, что бы то ни было, представляющее материальную ценность или не имеет; из этого общего правила нет исключений...» [там же, с. 851]. Таким образом, К.Д.Кавелин считал необходимым совершить поистине «революционный» передел в сложившейся системе права. Предлагаемая им реформа должна была состоять в исключении из гражданского права всех личных правоотношений и во включении в его состав из других отделов системы права разбросанных теперь повсюду юридических отношений между лицами по поводу имущества. Отрицая возможность провести разграничительную черту между публичным и частным правом, К.Д.Кавелин предлагает независимо от этого признака создать «новое гражданское право», которое объединило бы весь состав временный имущественный состав гражданского права, а также учение о податях, налогах, пошлинах, акцизах, всевозможных сборах, повинностях, о пенсии, эмеритуре, конфискации и денежных взысканиях.

Следует отметить, что этот крайний взгляд К.Д.Кавелина не имел поддержки со стороны юридической общности того времени, напротив, вызвал серьезные, на наш взгляд, возражения со стороны многих цивилистов, в частности, профессора Московского университета С.А.Муромцева. Предложенная К.Д.Кавелиным конструкция страдала существенными недостатками: в первую очередь, к таковым от-

носили отсутствие объединяющего начала в отношениях, которые должны составить содержание особой науки; кроме того, эта теория имела массу практических неудобств для изложения, так как неизбежно приводила к искусственному разделению того, что естественным образом связано между собой, а также не давала положительной характеристики публичному праву. Кроме того, как писал С.А. Муромцев, понятие «материальной ценности», которое К.Д. Кавелин предлагал в качестве критерия разграничения, не есть признак юридический, а только экономический [16; 17].

Еще одна оригинальная «материальная теория» была разработана П.П. Цитовичем. П.П. Цитович высказал в свое время мысль о том, что гражданское (частное) право есть право распределения [27, с. 5]. «... можно сказать, что оно (гражданское право. — В.Г.) есть совокупность постановлений, велений, положительного права, дающих порядки и формы экономическому распределению в данное время у данного народа, короче — гражданское право есть право распределения» [там же]. При этом он подчеркивал, что таким определением никоим образом не исключается из сферы гражданского права право семейное. П.П. Цитович вслед за К.Д. Кавелиным предлагал отказаться от существующего противопоставления частного и публичного права: «Постановления, веления гражданского права точно так же публичного характера хотя бы уже потому, что от них зависит такое или иное экономическое распределение, такая или иная организация семьи: два факта, от которых в государстве зависит все» [там же, с. 7]. Теория П.П. Цитовича при всей ее оригинальности также не имела успеха у подавляющего числа цивилистов того времени, ибо очевидно, что распределение регулируется и публичным правом: государство распределяет бюджетные средства. Кроме того, оставался открытым вопрос о полном определении отношений, входящих в сферу публичного права.

Несмотря на признанные в литературе недостатки, «теория интересов» долгое время была наиболее распространённой. «Действительно, противоположение мира частных, семейных интересов общественным интересам представляется каждому настолько естественным, что им пользуются как основанием для различия между частным и публичным правом» [29, с. 11].

На определенном этапе развития цивилистической мысли в России разработка идей, связанных с материальным критерием, зашла в тупик и в литературе появилось новое течение, представители которого отстаивали в качестве истинного критерия формально-юридический. Сторонники формальных взглядов искали критерий различия в

особенностях формы, а не содержания регулируемых отношений. В рамках формальной теории сформировалось два различных направления.

Приверженцы первого старались найти критерий разграничения публичного и частного права в различном положении субъектов юридического отношения, в четком определении того, принадлежат ли данные права человеку как обособленной личности или как члену организованного общественного союза. Указанная теория сформировалась под влиянием школы естественного права, сторонники которой утверждали, что права, которые естественным образом появились до образования государства (общества), являются частными. Естественное право продолжает действовать и в государстве, пополняется определенными постановлениями, касающимися функционирования государства, этот «новый придаток» и есть публичное право. Причем, по мнению сторонников указанных воззрений, «все публичное право устанавливается лишь ради большего упрочнения господства частного права». Указанная теория нашла себе авторитетного приверженца в лице Г.Ф. Пухты, который усовершенствовал и развил ее. Г.Ф. Пухта различал права смотря по тому, имеет ли их лицо как отдельный человек или как член органического единства, и отстаивал деление права на частное, публичное и церковное. Указанную концепцию критиковал видный дореволюционный цивилист Н.М. Коркунов, который усматривал основной недостаток этой теории в том, что ее сторонники исходили из возможности существования прав до появления государства, в то время как необходимо признать, что лишь государство обладает необходимой (публичной) властью для обеспечения принудительного соблюдения указанных прав и что только в обществе и мыслимо существование права. Другой важный недостаток упомянутой теории заключался в том, что если признать в соответствии с этой формальной позицией тот факт, что к публичному праву относятся отношения между членами всякого союза вообще, то необходимо было бы сделать вывод об отнесении к категории публичных отношений между членами всякого союза (семьи или акционерной компании, например), что неверно по сути и не соответствует сложившемуся разделению права. С некоторыми модификациями эту теорию поддерживали Гирке, Еллинек [13, с. 175-178]. Однако необходимо заметить, что это ответвление формальной теории не имело широкого распространения и ряд видных дореволюционных авторов, характеризуя современную им полемику по данному вопросу, даже не упоминают об этих взглядах.

Гораздо большее признание на определенном этапе получила еще одна формальная теория, приверженцы которой различали публичное

и частное право на основании того, как распределяется инициатива защиты права от нарушений, другими словами, обращали внимание не на то, что охраняется, а на то, как охраняется. Суть указанных взглядов отлично сводилась к различию способов охраны от правонарушений, к выяснению того, охраняется ли нарушенное право по инициативе самого потерпевшего или по инициативе общественной власти.

Основоположником этой теории был германский ученый Тон. В соответствии с его взглядами, если нарушение прав влечет за собой установление для субъекта нарушенного права притязания на возмещение причиненного ему ущерба — это частное право, если же, напротив, нарушение права влечет за собой только принятие известных мер со стороны и по инициативе общественной власти — это право публичное [там же, с. 179]. Теория Тона имела множество сторонников в лице авторитетных дореволюционных цивилистов. Достаточно назвать такие имена, как Муромцев, Гамбаров, Дювернуа [1, с. 52–54; 9, с. 28; 18, с. 26–27].

«Содержание гражданских прав и направление интересов, требующих защиты стоят не индифферентно к формам этой защиты. Сущности гражданского права соответствуют известные формы защиты в большей мере, чем другие. ... Преобладание этой формы (гражданского иска. — В.Г.) не может считаться случайным. ... Поэтому и определение гражданского права в смысле порядка отношений, которых защита предоставляется инициативе и усмотрению заинтересованных лиц, можно признавать наиболее соответствующим потребностям практики и преподавания права», — писал Ю.С. Гамбаров [1, с. 52–54]. Говоря о трудах этого цивилиста, хотелось бы отметить факт, который почему-то обходит вниманием исследователь его творчества. Дело в том, что теория Ю.С. Гамбарова не была, если можно так сказать, «чисто формальной», во главу угла в теоретическом плане он ставил материальный критерий — направление интересов, но в практических целях склонялся все же к критерию формальному. «Решающее значение при разграничении публичного и гражданского права принадлежит не форме защиты права, а направлению участвующих в этой защите интересов, — писал Ю.С. Гамбаров. — ... Форма защиты, представляющая так сказать симптом юридического отношения, связана так тесно с содержанием сопутствующего ей отношения, что ввиду удобства и быстроты анализа мы пользуемся верным и всегда очевидным симптомом вместо сложного и потому трудно распознаваемого явления. На этом основании и со сделанными выше оговорками формальное разграничение публичного и гражданского права может быть принято в силу своих

практических и дидактических удобств. Настоящий корень противоположения того и другого права лежит не в формах защиты, а в обуславливающих эти формы юридических отношениях действительной жизни. Если допускать, тем не менее, различие по способам защиты, то не надо забывать, что единственное оправдание этого формального критерия — в его практических удобствах» [там же]. Критерий этот, направление интересов, кстати, был выдвинут в качестве дополнительно-го к формальному еще Тоном, которого традиционно считают основоположником формальной теории. «Если направление интереса представляет собой защиту отдельного интереса против другого же отдельного интереса, то получается отношение гражданского права; в противном случае, т.е. если направление идет от отдельного интереса к государственной власти и обратно — то следует говорить о праве публичном», — так писал Тон, говоря о том дополнительное критерий, по которому следует проводить разграничение права [цит. по: 1, с. 50–51]. Но как бы то ни было в качестве истинного и приемлемого критерия приверженцы этого направления в юриспруденции отстаивали все же вышеупомянутый формальный критерий.

Вышеуказанный подход имел определенные достоинства. Г.Ф. Шершеневич так говорил об этой распространенной в свое время теории: «В пользу этой теории говорит то, а) что она построена на чисто юридическом начале, т.е. на различии юридических средств, которыми охраняются жизненные интересы, б) что она находится в полном соответствии с формальным понятием о праве, единственно верным, с) что она способна была бы дать, безусловно, точный отличительный признак» [29, с. 10].

Но формальная теория в то же время страдала, по мнению многих авторов, настолько существенными недостатками, что не могла быть принята. Теория предполагала, что в праве в любом случае есть указания на то, по чьей инициативе охраняется каждая из указанных норм, но во многих случаях такового указания закон не содержит, следовательно, ее нельзя было признать достаточной. Справедливо отмечалось, что различие частных и публичных прав проявляется не только при их нарушении, но и в ненарушенном состоянии, что также вписывалось в указанную теорию. Помимо этого указывалось на то, что нарушения определенной категории прав могут вызывать одновременно и частную, и общественную инициативу защиты, а также на то, что встречается в законодательстве распределение инициативы не соответствующей гражданским правам (например, диффамация, клевета). «Слабая сто-

рона формальной теории, — писал Г.Ф.Шершеневич, — заключается в том, что она не удовлетворяет требованиям догматики, хотя и претендует на исключительное догматическое значение» [там же, с. 11].

Позволим себе, характеризуя полемику по данному вопросу в до-революционной литературе, остановиться на взглядах ряда видных авторов, отличающихся, по нашему мнению, известной самостоятельностью от взглядов представителей двух основных сформировавшихся школ.

Свой критерий, который он относил к формальным, предлагал Н.М.Коркунов. Искомый критерий разграничения публичных и частных отношений заключался, по его мнению, в различии их юридической формы. Он полагал, что роль критерия мог бы сыграть способ разграничения интересов субъектов права. Он выделяет два способа: 1) раздел объекта пользования в частное обладание, т.е. выделение «твоего» и «моего»; 2) приспособление объекта к совместному использованию. Первый способ, по мнению Н.М.Коркунова, соответствовал частному праву, второй — публичному. Наиболее принципиальные различия Н.М.Коркунов видел в способах приобретения и утраты частных и публичных прав, в различном содержании прав и соотношении прав и обязанностей соответствующих субъектов. Частные права приобретаются в силу обстоятельства, имеющего индивидуальный характер, и принадлежат исключительно самому индивиду. В публичных же правах объектом права пользуется целая группа индивидов, при этом не требуется особого акта приобретения. В качестве примера автор использовал избирательное право, которое относил к публичному праву. Для того чтобы обладать правом голоса, достаточно удовлетворять общим условиям избирательной правоспособности. Никакого специального акта при этом не требуется. В частном же праве дело обстоит иначе. Наличие у лица активной вексельной правоспособности еще не означает, что он автоматически приобретает право предъявлять к кому-либо требование о совершении вексельного платежа [13, с. 172]. Автор, претендуя на создание новой теории, фактически использовал подвергаемую им же критике теорию интересов, т.е. ставил публичное или частноправовое регулирование в зависимость от того, кому служит объект права (отдельной личности или государству, обществу), в зависимость от того, в чьих интересах объект используется. Данные воззрения подвергались критике со стороны Г.Ф.Шершеневича, который отмечал, что они отличаются крайней неясностью, в первую очередь в том, что следует здесь понимать под объектом [29, с. 13]. В данном случае необходимо, как нам кажется, согласиться также с мнением, высказанным Л.Г.Ефимовой уже в наше время, о том,

что «подобная аргументация оставляет без внимания следующий факт. Нахождение объекта права в чьем-либо владении и пользовании порождает интерес на его сохранение и продолжение, а в определенных случаях — на возникновение права распоряжения. Таким образом, интерес субъекта направлен непосредственно на объект права, что приводит нас к рассмотренной выше теории интереса» [10, с. 4—19].

Завершая характеристику широчайшей дореволюционной полемики по поводу вопроса о критерии разграничения публичного и частного права, нельзя не упомянуть еще об одном ученом: И.А.Покровском. Его теория, если разделить их все на материальные и формальные, принадлежит в числу формальных, но это лишь номинальное разграничение. Фактически в его работе выделен критерий, который впоследствии получил широкое распространение. Заслуга И.А.Покровского состоит в том, что он не просто предложил указанный критерий для разграничения публичного и частного права (метод правового регулирования в качестве такого критерия предлагался и раньше, но смысл, который вкладывали в это понятие, был совершенно иным [22, с. 7]), но и подробнейшим образом обосновал подобный выбор. Разграничение публичного и частного права, по мнению И.А.Покровского, следовало проводить в зависимости от того, какими способами или приемами осуществляется это регулирование. «В одних областях, — читаем мы в работах И.А.Покровского, — отношения регулируются исключительно велениями, исходящими из одного единственного центра, каковым является государственная власть. ... Все здесь подчинено одной руководящей воле, одному командующему центру: все здесь централизовано. Вот этот-то прием юридической централизации и составляет основную сущность публичного права. ... В гражданском праве государственная власть воздерживается от непосредственного и властного регулирования отношений, ... а предоставляет такое регулирование множеству иных малых центров, ... субъектов прав. Все эти малые центры предполагаются носителями собственной воли и инициативы. ... Если публичное право есть система субординации, то гражданское право есть система координации» [24, с. 39—40].

Резюмируем все сказанное по поводу попыток решения «вечного вопроса» о соотношении публичного и частного права в дореволюционной литературе:

1. Дореволюционная цивилистика содержит многочисленные фундаментальные работы по данному вопросу. Обстоятельно коснувшись данной важнейшей проблемы в своих трудах счел необходимым практически каждый видный дореволюционный цивилист.

2. Несмотря на то, что в юридической литературе того периода практически всеми авторами выделялось два основных направления — так называемые «материальная» и «формальная» школы, вызвано это было скорее необходимостью хоть какой-то классификации многочисленных мнений по данному вопросу. Теории, выдвигаемые дореволюционными авторами, за редким исключением, трудно отнести к чисто «формальным» или «материальным». В большинстве своем они представляли собой весьма значительные модификации «классических» либо строятся на принципе сочетания материальных и формальных критериев разграничения права. Вследствие этого сложно провести классификацию всего спектра существовавших тогда мнений по «материальному» или «формальному» признаку и предпринятая выше попытка такой классификации носит в значительной степени условный характер. Тем не менее мы считаем такую, пусть небезупречную с точки зрения выбранного критерия, попытку классификации необходимой, для того чтобы анализ дореволюционного материала не был простым перечислением существовавших взглядов и представлял научную ценность.

3. Анализ развития русской дореволюционной цивилистической мысли по этому вопросу показывает, что ни одна из сформулированных теорий не получила безусловного признания в литературе. Большинство работ представляло собой критику всех ранее высказанных взглядов и предложение своего, отличного от ранее высказанных. Между тем очевидно, что работы дореволюционных авторов — это выделение сформировавшихся на протяжении нескольких веков взглядов на этот вопрос и они содержат все рациональные идеи, которые гражданско-правовая наука сформулировала в результате длительных дискуссий по этому вопросу. Они являются своеобразной «кладью сокровищ» мировой цивилистической мысли, без использования которой невозможно заниматься исследованиями указанной проблемы на современном этапе.

Библиографический список

1. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1911. Т. 1. Часть общая.
2. Гражданское право России: Учебник / Под ред. З.И.Цыбуленко. М.: Юрист, 1998. Ч.1.
3. Гражданское право: Учебник для вузов / Под общей ред. Т.И.Илларионовой, Б.М.Бондаренко, В.А.Плетнева. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М. М., 1998. Ч.1.

4. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: БЕК, 1998. Т.1.
5. Гражданское право: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. М.: Юрист, 1997. Ч.1.
6. Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю.К.Толстого, А.П.Сергеева. М.: ТЕИС, 1996. Ч.1.
7. Гримм Д.Д. Курс римского гражданского права. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1904. Т.1. Вып.1.
8. Довернова Н.Л. Конспект лекций по гражданскому праву, читанный в 1886—1887 acad. году. СПб: Типо-литография А.Б.Ландау, 1886.
9. Егоров А.Е. Чтения по гражданскому праву. СПб., 1898. Т. 1.
10. Ефимова Л.Г. Соотношение частного и публичного права — правовая или политическая проблема? // Юридический мир. 1999. №4.
11. Исаяв И.А. История государства и права России. М., 1993.
12. Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Полн. собр. соч. Т.4. Этнография и правоведение с прим. проф. Д.А.Корсакова. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1900.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. (без изм.) СПб.: Изд-во юрид. кн. магазина Н.К.Мартынова, 1914.
14. Малышев К.И. Курс общего гражданского права России. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1878. Т.1.
15. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. По 8-му изд. Испр. и доп., 1902. М.: Статут, 1997. Ч. 1. (Сер. «Классика российской цивилистики»).
16. Муромцев С. Определение и основное разделение права. М., 1879.
17. Егоров А.Е. Очерки общей теории гражданского права. М.: тип. Мамонтова и К., 1877. Ч. 1. Введение.
18. Егоров А.Е. Римское гражданское право: Курс лекций. СПб., 1877—1878.
19. Новицкий И.Б. Римское право. Изд. 6-е стереотипное. М., 1995.
20. Об основах налоговой системы в РФ: Закон РФ от 27.12.91. №2118 // Ведомости СНД и ВС. 1997. 12 марта, (№11). Ст. 527.
21. О мерах по повышению собираемости налогов и других обязательных платежей и упорядочению наличного и безналичного денежного обращения: Указ Президента РФ от 18.08.96. №1212 // Собрание законодательства РФ. 1996. 26 авг. (№35). ст. 4144.

22. Пахман С.В. Курс гражданского права. Лекции, читанные в императорском Санкт-Петербургском университете в 1872-1973 академическом году.
23. Подопригора А.А. Основы римского гражданского права. Киев: Выща школа, 1990.
24. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. (Сер. «Классика российской цивилистики»).
25. Rhetorica. Кн. 1. Гл. XIII.
26. Ульпиан Дигесты 1.1; 1.2.
27. Цитович П.П. Курс русского гражданского права. Одесса, 1878. Т.1. Вып.1.
28. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Казань, 1901. Т.1. Введение. Вып.1.
29. Его же. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: СПАРК, 1995.

Г.Н.Эйриян

Приобретательная давность на земельные участки

Вопрос о принципиальной возможности применения норм о приобретательной давности к земельным участкам является в настоящее время дискуссионным.

Авторы учебного пособия «Земельная недвижимость: сделки, правовое регулирование» считают, что «применение института приобретательной давности к земельной недвижимости ... возможно лишь в ограниченных, особо указанных в законе, случаях. Например, она может быть применима к землям, собственник которых неизвестен» [9, с. 84]. По их мнению, институт приобретательной давности не применим к случаям неразрешенного использования государственных и муниципальных земель.

Своеобразное толкование приобретательной давности в отношении земельных участков дано Б.В. Ерофеевым. Он полагает, что «пользование непрерывно более 15 лет земельным участком без оформления своих юридических прав дает гражданам и юридическим лицам преимущественное право на приобретение земельного участка, если он продается (передается безвозмездно) для того же назначения» [4, с. 196].

В юридической литературе высказано мнение о невозможности приобретения земли в силу приобретательной давности. В основу та-

кого подхода положен тезис (абсолютно правомерный) о невозможности существования в РФ бесхозяйной земли [6, с. 285].

Институт приобретательной давности – новое явление в российском законодательстве, поэтому вполне естественно столь неоднозначное его понимание. Вместе с тем понятие приобретательной давности было в достаточной степени разработано в дореволюционном законодательстве России. На наш взгляд, наиболее точное и полное определение приобретательной давности дано Л.А.Кассо.

«Истечение времени не может не отразиться на правовых отношениях: некоторые фактические явления, долго продолжавшиеся, защищаются законом при известных условиях. Эта защита, известная под именем давности, означает, что государство предпочитает в интересах общественного спокойствия и прочности оборота, охранять положение, освященное временем, чем содействовать проявлению права, долго не осуществившегося и вследствие этого нередко сомнительного. Безмолвие и бездеятельность управомоченного субъекта, допускающего явное нарушение своего правомочия, толкуется законом как отказ от него. Давнишний, явный и яркий факт торжествует над поблекшим правом» [5, с. 123].

Вышеприведенная характеристика приобретательной давности позволяет сделать следующие выводы:

а) нормы приобретательной давности служат обеспечению прочности оборота, что не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие у земельного участка, переходящего на основании давности, законного собственника. Прочность оборота понимается как фактическое использование земельных участков, а не только формальное закрепление прав на землю. В этом смысле приобретательная давность отражает один из принципов земельного законодательства – обязанность использовать землю, а не только быть законным держателем прав;

б) смысл приобретательной давности – двойной. В современной литературе приобретательная давность, как правило, рассматривается в одном аспекте – как порождожающая давность, т.е. как основание возникновения права собственности. Однако такой подход не раскрывает в полной мере сущности данного института.

Истечение срока давности, установленного в законе, влечет два следствия: 1) признание права собственности на земельный участок за лицом, не имеющим никаких юридических оснований своего владения и 2) отказ государства в защите нарушенного права собственности законному владельцу участка. Во втором из этих значений срок, лежащий в основе приобретательной давности, можно рассматривать как

Мальцева Ю.В. Возраст как условие трудовой правосубъектности граждан: биологические и психологические послышки для юридического решения.....	201
Гладких Д.Ю. К вопросу о юридической природе служебных отношений в органах внутренних дел.....	211
Васильева Ю.В., Маматказин И.Р. Процедурные правоотношения по назначению пенсий.....	220
Сухорукова С.В. Проблемы и перспективы реформирования системы социальной защиты граждан, пострадавших на производстве.....	246

Научное издание

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**
Часть I

Сборник научных трудов юридического факультета

Редактор *Л.А.Богданова*
Технический редактор *Н.В.Петрова*
Компьютерный набор *В.В.Шадрина, Н.Ю.Шадрин*
Корректор *Г.А.Гусман*

Подписано в печать 14.11.2000. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бум.тип.№1.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,8. Уч.-изд.л. 16,8 Тираж 250 экз.
Заказ 80.

ИБ №317
Лицензия ЛР №020409 от 12.02.97

Редационно-издательский отдел Пермского университета
614600, Пермь, ул.Букирева, 15

Типография Пермского университета
614600, Пермь, ул.Букирева, 15